

МАРГАРИТА КОРОВИНА

САНТА-МАТРЕШКИНО 2

ИЛИ

КАКАЯ ЖЕ ТЫ,
МАРГАРИТА?

Маргарита Коровина

**Санта-Матрешкино – 2, или
Какая же ты, Маргарита?**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Коровина М.

Санта-Матрешкино – 2, или Какая же ты, Маргарита? /
М. Коровина — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

После событий, описанных в «Санта-Матрешкино» прошло полгода. Маргарита Алексеевна снова мирно жила в своем домике. Но жизнь стала казаться пресной и скучной... И тогда Маргарита решила понять, какая же она на самом деле и чего же ей хочется. Скорее всего любви? И тут же - как по мановению волшебной палочки – появился Он, волшебный принц ее грез. Только вот откуда он знает ее имя? Сама Маргарита никак не могла вспомнить, где и когда с ним познакомилась... Да еще сводная сестра Любочка вдруг получила неожиданное наследство... Посовещавшись, сестры решили, что это все козни их братца Влада. И тут же решили страшно отомстить...

Содержание

Глава 1. Гадина	5
Глава 2. Хорошая девочка	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Маргарита Коровина

Санта-Матрешкино – 2, или Какая же ты, Маргарита?

Глава 1. Гадина

– Какая же ты, Ритка, гадина! – сердито выкрикнула Любочка и выскочила из дома, от души хлопнув дверью.

Я взяла с комода зеркальце и поставила его на стол перед собой. В мутном стекле старого – еще бабушкиного – зеркала отразилась моя физиономия: темные волосы с блестками седины, карие глаза с тонкой и сухой кожей вокруг век, да еще и с синими тенями под ними, изящный прямой нос, губы, уже теряющие привлекательную полноту...

Ну, и какая же ты, Рита? Гадина? Или язва? Или завистница? Или красавица? Или хорошая женщина? Или не женщина, а мужик в юбке? Еще полгода назад Любочка уважительно называла меня Маргарита Алексеевна, а сейчас... И из-за чего? Я просто позволила себе высказаться по поводу ее странного романа с Пашкой Петровым... Не следовало этого делать. Молодежь сейчас совсем не такая, как в мое время, и легко хамит старшим...

Но вопрос, конечно, интересный. Какая же я на самом деле? Вот на прошлой неделе я встречалась с Николашей... Дай бог памяти припомнить, что он там шептал в порыве страсти? «Какая ты красивая?» А еще: «Какая ты сладкая?» Да, надо признать, люди оценивают меня совершенно по-разному, причем каждый в меру своей испорченности. Интересно, интересно. Кажется, я нашла абсолютный эквивалент, по которому человек может определить для себя, какой же он на самом деле. Значит так, надо вспомнить всех моих знакомых и проанализировать мое отношение...

– Марго-о-о! Ты где?

Я испуганно вздрогнула. Братец возник из ниоткуда и в самый неподходящий момент.

– Привет, Владик, я в большой комнате.

– Привет, сестричка. Смотри, что я тебе привез, – и Влад вытащил из полиэтиленового пакета нечто маленькое и пушистое. Оно безвольно повисло в его руке, поджав куцый хвостик и жалобно лупая блестящими глазенками.

– Что это? – холодно поинтересовалась я.

Ведь Влад знает, что зверье мне нравится только в виде открыток на стене или плюшевых подушек на диване!

– Это? Это щенок. А может, котенок. Я не очень в этом разбираюсь. В общем, я сегодня из дома вышел, а оно у подъезда сидит и плачет. Какая-то сволочь этакого крохотного зверенка выбросила на мороз... Я его попытался у коллег пристроить, но у них всех уже есть или кошки или собаки. И тут я вспомнил о тебе...

– Спасибо, дорогой. Но что я с ним буду делать?

– Как что? Растить, холить и нежить. У тебя ведь никого нет: ни пса, ни кота, ни мужа. Вот я и решил тебе помочь...

– Ох, братик, какой же ты заботливый! Мне кажется, я должна поблагодарить тебя хотя бы за то, что ты не начал заботиться обо мне с мужа.

– Да? А он тебе нужен?

– Нет, так же, как, впрочем, и щенок с котенком.

– Но щенок (или котенок?) у тебя уже есть, – и он поставил звереныша на пол, махнул мне рукой и выскочил за дверь.

Обычное Владиково поведение: сделать, не подумав, и быстрее убежать... И что мне с этим заморышем делать? И кто он (или она) – кот или пес? Вот возьму сейчас это за шкурку и выкину на улицу! Нет, не могу. Если я это сделаю, то обо мне можно будет сказать не только какая же я гадина, но и тем самым словом, которым Влад назвал нелюдя, выбросившего эту малютку на мороз. Ладно, придется оставить. Но кто оно?

Я взяла лохматый комочек в руки и стала разглядывать. Круглые глаза мутно-синего цвета, мягкая шерсть, коротенький хвостик, плоская мордочка. Нет, моих познаний в звероводстве не хватает даже на то, чтобы определить его породу, не то что пол. Или пол я все-таки могу определить?

Я повернула малыша пузом кверху. Под хвостом угадывались два маленьких комочка. Значит, мальчик. Я поставила зверенка себе на ладонь. Чтобы удержаться, он запустил белые прозрачные коготки мне под кожу. Котенок! Я точно знаю, что когти в такой ситуации используют кошки. Слава богу! Значит, не нужно будет просыпаться по утрам, чтобы выгуливать это сокровище.

Я пошла на кухню, достала из холодильника пакет молока и налила его в блюдце. Потом поставила угощение перед котенком. Несмышлениш пару секунд покачался на своих слабых ножках, а потом пополз ко мне.

– Эй, дружище, ты что, молоко не любишь?

Котенок меланхолично двигался к моим ногам. Что же делать? Похоже, он не умеет пить из блюдца. Надо кому-то позвонить. Кажется, у Севы есть кошка. Во всяком случае, я видела у него на кухне миску, сильно похожую на кошачью.

– Севочка, привет!

– О-о-о, Риточка, ушам своим не верю, что за форс-мажор у тебя случился?

– Мой брат подарил мне кота. А может, пса. Но я думаю, что это кот. И он не умеет пить из блюдца.

Севочка радостно загыгикал. Я нажала на мобильнике кнопку отбоя. А потом вообще его выключила. Пусть только попробует еще хоть раз позвонить мне, шут гороховый. Мало ему не будет...

Но что же делать с котом? Пушистый комочек настойчиво ползал за мной по кухне и жалобно пищал. Я поднапрягла память и припомнила, что в любимой моей книжке про львицу Кинули для кормления использовалась детская соска. Хорошая идея. Я засобиравалась в аптеку, но вовремя сообразила, что в рот котенка детская соска не влезет. Опять неудача. А котенок пищал все истошнее. Может, позвонить родителям? Нет, это уж слишком. Бросаться по каждому пустячному поводу за помощью к предкам – это тот самый инфантилизм, в котором меня обвиняет Костя, сын маминого мужа. Надо самой найти выход.

Я взяла кота на руки и уселась в комнате на диване. Звереныш тут же нашел мой мизинец и начал его сосать...

Эврика! Я знаю, что делать. Засунув малыша в карман кофты, я пошла на кухню и достала из шкафчика пипетку. Отодрав резиновый колпачок, наполнила молоком маленькую бутылочку от таблеток и надела на нее колпачок от пипетки, отрезав у него самый верх. После чего вынула кота из кармана и сунула ему в рот микро-рожок.

Бутылочку пришлось наполнять раз двадцать, пока этот обжора не заснул у меня на руках. К этому времени я уже вдоволь наигралась в дочки-матери и мечтала поскорее лечь в кровать. Слава богу, что у нас с Толиком не завелись дети. Мамаша из меня вышла бы еще хуже, чем моя. Забота о ближнем отнимает у меня все силы. Я чувствую себя выжатым до последней капли лимоном, который годен только для помойного ведра. Вот Любочка... Да, а я сегодня с ней поругалась... И зачем мне было критиковать ее Пашку? Ну какое мне дело, что между ними происходит? Летом я думала, что моя сестрица по уши влюблена в Станислава Алексеевича. Осенью пришлось признать, что я ошибалась. Истинным властителем ее чувств

был не героический милиционер, а рядовой менеджер из ее конторы. И ко мне в Матрешкино она сбежала для того, чтобы помучить милого. Он ей под окнами ее городской квартиры серенады пел, а она мне варенье в это время варила... Да, варенье-то у нее вкусное получилось. Жаль, уже все съедено...

Я забралась под одеяло, предварительно уложив котенка на меховую шапку поближе к печке. За окном тихо падал снег, потрескивали догорающие угольки... Было хорошо и тихо. Но недолго. Около моей избушки замелькали огни автомобильных фар, и через минуту заверещал звонок. Я тихо вылезла из постели, надела халат и подошла к входной двери. Много лет назад я упросила Влада врезать рядом с дверью маленькое окошко. И сейчас с удовлетворением разглядывала сквозь это окошко виноватую физиономию Севочки. И огромный букет лилий, который он держал в руке.

Открывать или нет – вот в чем вопрос? Проблему с кормлением кота я уже решила. Тогда зачем мне сейчас мой поклонничек нужен? Придется поить его чаем, потом, естественно, ему захочется любви... А мне? Я не любительница внезапно нахлынувших страстей...

Не знаю. Может, пойти обратно под одеяло и притвориться, что крепко сплю и ничего не слышу? Неудобно как-то. Человек примчался ко мне за тридевять земель, бросив свои дела, а я его впускать не хочу... Ну да, не хочу, а что поделаешь? Но придется, иначе моя совесть (порядком привядавшая благодаря Любочкиной воспитательной работе) меня загрызет.

Я включила в прихожей свет и открыла дверь. Севочка несмело мялся на пороге.

– Заходи, раз пришел, – приободрила его я.

Он вошел, протянул мне лилии, умильно глядя мне в глаза.

– Извини, Риточка, я был неправ.

– Да.

– Что да? Ты меня извиняешь?

– Нет, подтверждаю, что ты был неправ.

Он вздохнул и продолжил покаянную речь:

– Я не хотел тебя обидеть... Просто ты так редко звонишь мне сама... Вот я от радости и не соображал, что делаю.

– Севочка, право слово... Тебе ведь не шестнадцать лет, чтобы голову терять...

– Знаешь, Риточка, – он грустно вздохнул, – я ведь говорил тебе, что люблю тебя, да?

– Ну, да.

– А ты мне не веришь?

Я пожала плечами и пошла в комнату. Севочка шел за мной.

Станный он. Ну какая может быть любовь в нашем возрасте? Нет, я, конечно, читала, что любви все возрасты покорны, но, когда прибавляются года, убавляется интенсивность чувств. И на место юношескому безумию приходит взвешенное сексуальное влечение, подкрепленное общностью интересов и воспитания. И терять голову из-за звонка своей... подруги, мне кажется немного неуместным. *Un peu ridicule*, как говорят французы.

Я поставила лилии в большую стеклянную вазу и повернулась к поклоннику:

– Чаю хочешь?

Севочка кивнул. Я вздохнула и пошла на кухню. Поклонничек тенью следовал за мной.

После чаепития, обсуждения кошачьих проблем и осмотра Влодова подарка Севочка, естественно, перешел к поцелуям и прочим нежностям. Я решительно отстранилась. Не дай бог, он решит, что ко мне можно являться, как только ему этого захочется! Я вовсе не жажду быть игрушкой в руках мужчины, даже если он утверждает, что любит меня, как Ромео Джульетту.

Севочка насупился:

– Все еще обижаешься?

– Нет, – спокойно ответила я и улыбнулась. Он обескураженно замолчал, – я думаю, тебе лучше поехать домой...

– Риточка, извини меня, идиотку... – Любочка влетела в комнату и растерянно замерла. Сцена была весьма красноречивой: я в халате, рядом со мной смущенный и стремительно краснеющий поклонник, – ой, я не знала... Простите. – Любочка начала пятиться к двери.

– Все нормально, сестричка, Всеволод Михайлович уже уходит, – с видом великосветской львицы произнесла я и повернулась к Севочке, – до свидания, Всеволод Михайлович.

– До свидания, Маргарита Алексеевна, – обреченно пробормотал он и вышел.

Заурчал мотор машины, мелькнул свет фар, и снова стало тихо. Я повернулась к Любочке:

– Надеюсь, ты не будешь утверждать, что не видела его машину?

– Нет... То есть, да... Я ее видела, но думала, что это к Валере кто-то приехал. У него Лексус, да?

– Не знаю. Что-то блестящее и большое.

– Ну, ты даешь! – начала Любочка и осеклась. Потом продолжила, как ни в чем не бывало, – извини меня, еще раз. Ты, как всегда была права, насчет этого олуха Пашки.

Я холодно молчала. Сегодняшний вечер извинений показался мне несколько длинноватым. Любочка помялась немного и попросила:

– Можно я у тебя на ночь останусь? А то уже поздно...

Я кивнула:

– Оставайся. Ужин себе сама приготовишь.

– Ага, – ответила Любочка и ушла на кухню.

А я отправилась в постельку.

Через полчаса сестрица втиснулась в мою комнату с огромным подносом в руках. На нем возвышалась горка блинов, благоухала селедочка в маринаде и исходил паром чайник с крепко заваренным чаем. Вот момент, ради которого стоит жить!

Я села на постели и позволила Любочке налить мне чайку и завернуть пару кусочков селедки в сладкий блин. Конечно, сейчас она начнет делиться со мной подробностями своих отношений с господином Петровым, но в компании блинов я готова выслушивать все, что угодно.

– Нет, ты только представь, – начала сестрица...

– Марго, слушай, я был неправ, – ворвался в комнату Влад.

Ну вот, прощайте, блины. Прощай, селедочка. Я засунула себе в рот то, что еще держала в руках, а дальше просто пассивно смотрела, как братец уничтожает мое угощение и допивает мой чай.

– Так, вот, Марго, – продолжил Влад, дожевав последний блинок, – я приехал домой и позвонил папе. Рассказал ему о моем подарке. Ну, и он устроил мне форменную головомойку. Что с моей стороны очень некрасиво подсовывать тебе животное, которое, я знаю, ты не любишь. И если я хочу сделать доброе дело, то должен делать его своими руками, а не твоими. И так далее, и тому подобное. В общем, он меня убедил, и я приехал забрать Корнелиуса.

– Какого Корнелиуса? – изумленно вытаращилась на меня Любочка.

– Вот этого, – я махнула рукой в направлении печки, около которой спал котенок.

– Ой, какая прелесть! – заверещала Любочка, – Владик, можно я себе его заберу? Пожалуйста.

Влад решительно покачал головой.

– Я обещал папе, что буду заботиться о нем самостоятельно.

– Подожди, дорогой, – я решила, что должна восстановить статус кво, – насколько я помню, ты мне его подарил, да?

– Да, но это была ошибка.

– Поздно. Отбирать подарки – это верх невоспитанности, – сурово продолжила я, – и кота зовут не Корнелиус, а Мурзик.

Влад смотрел на меня, как на восьмое чудо света.

– Марго, что с тобой? Ты заболела? Зачем тебе этот зверь?

– Чтобы заботиться о нем и любить его.

Теперь изумление было и в глазах Любочки.

– Но ты ведь не любишь животных!!!

– Животных не люблю. А Мурзика люблю. Он стал мне роднее всех, после того как я битый час его молоком из пипетки кормила. Все. Разговор окончен. Спокойной ночи, – и я повернулась к стенке, демонстрируя нежелание продолжать разговор.

– Все-таки ты гадина, – прошипела мне в спину Любочка, – я не буду у тебя оставаться. Владик, отвези меня домой.

И они, осуждающе топоча, вышли из моей комнаты.

Глава 2. Хорошая девочка

...Умница моя, хорошая девочка, – папочка погладил меня по головке, и вышел из комнаты. Я тихонечко достала из под юбки книжку и положила ее поверх тетради. Математику успею сделать на переменке, а если мне не удастся узнать, чем закончились злоключения леди Ровенты, то точно не смогу заснуть. До конца романа отставалось еще страниц сто – как раз часов до двенадцати. Вот сейчас посижу за столом, изображая приготовление уроков, потом поужинаю со всеми и лягу спать. Под кроватью у меня спрятан мой личный фонарик, купленный на деньги, выдаваемые на мороженое, и с его помощью я буду читать до победного конца...

Наверно, это было не очень красиво обманывать родителей. Но страсть к книгам была сильнее морали. К тому же так приятно было слышать, что я умница и хорошая девочка. Мои родители часто хвалили нас с братом. Хотя Влад, по-моему, далеко не всегда заслуживал похвалы. Особенно когда рисовал моим куклам усы черным фломастером.

Несмотря на то, что кукол я не любила, мои дальние родственники дарили их мне на каждый день рождения. На игры с лупоглазыми «Катями» и «Валями» у меня обычно не хватало времени, как и на любое другое нелюбимое занятие, но и рисовать на их глупых лицах усы я братцу не разрешала. В конце концов, это мои куклы. А еще брат не заслуживал похвалы, когда съедал мои конфеты. А еще когда дразнил меня книжным червем. Он утверждал, что я такая худая, потому что уже начала превращаться в червяка, и скоро, совсем скоро, буквально через год-два у меня отвалятся руки и ноги, и я стану ползать по дому, как червяки, переливаясь розовато-коричневым полупрозрачным телом. Он направлял свет настольной лампы на мое ухо и говорил, что оно уже стало настоящего червякового цвета. Не то что я ему верила на сто процентов, но он был старше, а, значит, умнее, и его слова вполне могли оказаться истинной. Я боялась, но чтения не бросала. Только каждый раз после душа минут по десять разглядывала свое тело, пытаясь определить, не появились ли у меня такие полосочки на теле, как у червяков...

Я пила утренний кофе и вспоминала, какими же эпитетами награждали меня мои родители, друзья, знакомые и враги. От папочки я слышала только приятные слова. Он никогда не ругал меня. Да и Влада тоже. А мамуся, поймав меня на чтении очередной книжки, грустно смотрела на меня и говорила: «Какая ты у меня все-таки странная». А я не могла понять, почему любовь к книгам превращает человека в странного. Хотя, конечно, забывать поесть из-за приключений красных дьяволят сейчас мне кажется немного необычным.

Учителя в школе... Совершенно, не помню, что они мне говорили. А раз не помню, значит, ничего особенного в их словах не было. Одноклассники и одноклассницы говорили про меня разное. Мой сосед по парте Алеша (не помню его фамилию) любил перед контрольной польстить мне, чтобы я помогла ему решить задачки. Наша математичка все время удивлялась:

– Как ты, Ряпушкин, контрольные ухитряешься решать, а у доски плаваешь?

– А я у доски стесняюсь, – отвечал Алеша, густо краснея.

В общем, одноклассники не говорили мне гадостей. Только Надя Царева иногда презрительно шипела, что я воображала. Но мне было все равно. Наверное. Потому что большую часть школьных дней я почти не помню. В отличие от книг, с которыми коротала перемены. Надо же, я даже не знаю, как ко мне относились в школе! И как я к ребятам относилась...

Так, со школы, пожалуй, и стоит начать анализ моего отношения к миру и мира ко мне, и понять в конце концов, какая из себя Маргарита Алексеевна, дама среднего возраста и вполне еще себе приятной наружности. Придется поднапрячь память. Она у меня последнее время стала какая-то дырявая...

Ой! Мурзик! Совсем про него забыла! Его ж надо покормить! И выгулять! Ой, нет, выгуливать не надо, потому что он кот!

Работа в банке не располагает к философствованиям, поэтому к своему аналитическому списку мне удалось вернуться только поздним вечером. Придя домой, я затопила печку, поужинала и накормила кота. После еды котенок стал больше похож на поросенка, и мне пришлось его вымыть. Намочив густую шерстку звереныша, я с ужасом увидела в ней черные копошащиеся точки. Блохи! Вот кошмар. Они ведь кусают бедненького малыша, а он их даже гонять не может из-за своей неуклюжести!

Часа два я вылавливала у своего питомца паразитов. В мокрой шерсти они были почти обездвижены, и поймать их не составляло труда. Вот только Мурзику эта процедура не очень нравилась, и он вертелся и орал. Потом я решила помыться сама. Вдруг какая-нибудь шальная блоха забралась на меня, и ночью будет меня кусать? В общем, от забот я освободилась часам к одиннадцати, легла в кровать, взяла листок бумаги и ручку и стала вспоминать.

Итак, первым номером будет мой сосед по парте Алеша. Какой он был? Ленивый, это однозначно. Хитрый. Но не глупый. Списывал он у меня с умом. Учителям ни разу в голову даже не пришло, что его сочинения на самом деле сочиняю я. Вернее, я придумывала, что писать, рассказывала это Алеше, а он описывал все своими словами. А потом я проверяла его ошибки. Сообразительный был мальчик. Интересно, как он сейчас живет? Наверняка, нашел себе жену, которая его на себе тащит.

Дальше Надя Царева. Неприятная была девочка. Злая. Любила гадости делать. Причем сначала усыпляла жертву хорошим отношением, а потом была в самое незащищенное место. Все в классе знали о Надиной подлой натуре, но легко попадались на ее удочку. Со мной она такой трюк проделала классе в третьем. Сначала неделю ходила за мной как собачонка, а потом повесила на спине бумажку с какой-то дурацкой надписью. Вроде, «я все знаю» или «я самая умная». Народ ехидно хихикал мне вслед, а я не могла понять почему. То ли колготки наизнанку одела, то ли пятно на юбку посадила. Да, неприятно было. А главное непонятно, зачем она это делала. Чтобы унизить свою жертву и за ее счет возвыситься самой? Глупо как-то. Значит, Надя была не только злой, но еще и глупая.

Кто там еще у нас был? Ну, конечно, наша активистка, наша «в каждой бочке затычка» Лена Хитрук. Мне она, честно говоря, нравилась. Хотя бы потому, что благодаря ее активности я могла тихо и спокойно читать свои книжки. Лена была не только активистка, но и умница. Училась хорошо. Причем сама, без помощи папы и мамы. Они у нее работягами были, у папы семь классов образования, а у мамы пять. И папаша ее попивал систематически. Немного, но часто. Зря она в девятый класс не пошла. Могла бы и в институт поступить. Вместо этого она выбрала торговое ПТУ. Тогда это было престижно. Да, Леночка умела нос по ветру держать и быть в курсе. Как это у нас тогда называлось? Приспособленчество, вот как. С таким оттенком презрения. А по-моему, нет в этом ничего плохого. Никому она своим приспособленчеством не навредила, только, может, себе. Я слышала, жизнь у нее не очень задалась. Мужья, разводы, дети без отцов. Наивная Лена была. Верила всему, что ей говорили. И люди, и пропаганда. Я думаю, она и сейчас такой осталась. А еще злобы в ней не было. И за это она мне тоже очень нравилась.

Кого еще я могу вспомнить? Ну, конечно, моя любовь Юрочка Синельников. Как же я в него была влюблена! Целых три месяца. Даже книжки на переменах перестала читать. Стояла у окошка и томно вздыхала. Юрочка мне казался идеалом мужской красоты. Кудрявый, глаза озорные, форма новенькая. А улыбка у него была... Глупая она была, вот что. Его математичка к доске вызывает примеры решать, а он не знает как, и улыбается. А в ноябре директриса заставила его постричься, и он стал похож на общипанного гусенка. Ну, и любовь моя к нему прошла бесследно. Какой он был по характеру? Умом не блистал, определенно. Но добрый был. Вежливый. Не подлый. Но хулиганить любил. Если я правильно помню, это он мышь в класс принес. Белую. Историчка как увидела ее, так на стол и заскочила. И юбка у нее при этом

задралась выше, чем следовало. А под юбкой панталоны голубые. Вот уж мы смеялись! Просто до слез. Хотя, что смешного в голубых панталонах? У тетки, наверное, воспаление придатков было, она всю блокаду в Ленинграде прожила, вот ей и приходилось кутаться.

Глупые все-таки существа дети. И совсем не такие невинные, как принято думать. Многие злые, как волчата. Особенно когда компанией собираются. И мои одноклассники такими же были. Каждый сам по себе вроде и нормальный ребенок, а в стаде превращается в паршивую овцу. Как и я, собственно. И хорошей девочкой меня только папа с мамой назвать могли. Потому что не видели меня в компании сверстников.

Взять наши летние ссылки в Матрешкино. Я за Владом хвостом ходила. Книжки у меня отнимали, и из дому в десять утра выставляли. Иди, гуляй, деточка, здоровья набирайся. Вот мы с Владом и набирались. Курили, вино пили, от пива тоже не отказывались. Братец меня на четыре года старше, и когда мне десять было, ему уже исполнилось четырнадцать. А его приятели даже взрослее были. Взять того же Володю. Или Мишку с улицы Ленина. Они шли на озеро, и я с ними шла. Они пиво пили, и я не отставала. Они беломориной затягивались, и я кашляла, но курила. Весело было. Хорошо только, что всего три месяца в году. И, слава богу, что мама с папой о наших проделках ничего не знали. И я для них была хорошей девочкой. И до сих пор ею остаюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.